

О том, как вся Франция влюбилась в одного мужчину

Жюльетта Мольская правда — 1991 — 12 дек.

Сошла с ума Французская Республика или действительно родился гениальный актер... зовущийся Патриком Брюэлем? Ему 32, и артистическая карьера, начатая еще шесть лет назад, развивалась как у нас говорят, ни шатко, ни валко. Ну, пел песни, ну, давал концерты — таких во Франции, опять-таки по нашей терминологии, хоть пруд пруди.

И вдруг — вспышка, взрыв, за какие-то одиннадцать месяцев его вознесло на самый гребень. На 134 концертах в 68 городах сплошной и единодушный аншлаг с миллионом зрителей, отблуживших ладони, сорвавших голоса, и непременным бисированием, от которого Патрик никогда не отказывается. Его диск «Ну, посмотри!» крутят в двух миллионах домов. Концерт на Пляс де ла Насьон в память о жертвах нашего августовского путча собрал 300 тысяч народищу, и кто только из великих не вступал на сцену. Но по опросам половина привалила специально на Брюэля.

За год он заработал только одним своим творчеством около 200 миллионов франков. Остается гадать, сколько доходу принесла распродажа нарасхват его фотографий, афиш, маечек с портретом

лица, собственного журнала под скромным названием «Клуб Патрика Брюэля». Он контролирует общество, изготавливающее весь этот ширпотреб, и ни один продукт, хоть как-то ассоциирующийся с образом Патрика Брюэля, мимо пристального внимания Патрика Брюэля не проходит. Сам актер объясняет это вовсе не жадностью: не хочет обижать поклонников подделками и продукцией, не дотягивающей по качеству до уровня его имиджа и песен. Стоило двум прсинтервьюированным Брюэля журналистам попытаться издать книгу о позорожденной французской легенде, как адвокат певца тут же приостановил продажу. Патрик пожелал лично удостовериться, все ли в ней верно. Удостоверился, дал добро, и произведение рвется в бестселлеры.

Но после этого случая с интервью сделалось совсем туго Встречи с пишущей, не телевизионной прессой приостановлены. Возобновятся через год, как любезно сообщил мне импресарио Брюэля, посоветовав записаться в очередь на «где-нибудь» после мая 1993-го».

В чем же все-таки причина этой охватившей Францию брюэлемании? Смотрю, как спокойно исправляется к ми-

крофону темноволосый худощавый парень. На красавца не тянет, скорее на обаятельного. Серые брюки, фланелевая водолазка — так одеваются спешащие на работу, спускающиеся в метро молодые люди. Они-то и были поначалу главными слушателями: средний возраст — 16 годков, пол — в основном

женский. Однако с каждым новым месяцем приходящая на концерты публика взрослела. К шумливым и несколько истеричным в своей любви к кумиру девчонкам прибавились ребята. Появился в залах народ постарше, и сейчас средний возраст поклонников — за 35.

По-моему, дело не в хоро-

шем голосе, хотя он тоже, к счастью, присутствует. Патрик поет французскую свою душою, слова его песен отточены срифмованы. Это не какая-то громкая, ритмичная, но все же бессвязная музыкальная дробедень, а баллады о жизни, о любви и, конечно, о самом себе. Здесь певцу не откажешь в самолюбовании. Зато он будто беседует со слушателем. Создает страшный эффект, редкий для других певческих представлений: вроде бы Брюэль обращается прямо к тебе. То же чувство испытывают, бесспорно, и девочки из семнадцатого ряда, и десятки преданнейших фанатов, покупающих билеты поближе к сцене и неумоимо развешивающих за идиолом по Франции. Причем поет Патрик никакой не рок, не рэп. Его кошек — обыкновенная и, казалось, давно ушедшая в небытие мелодичность.

Недавно его, говорят, нарочно хотели подставить, заангажировав на выступление перед двадцатью тысячами любителей тяжелого металла, да еще не французских, а швейцарских. Те подготовились к свиданию с чужаком как следует: гостя ждали помидоры и яйца. Брюэль, как ни в чем не бывало, вышел в своей фланелечке на сцену. Ейцы было заорали,

но Патрик заговорил, пошутил, запел... И вскоре неприличные к такому жанру металлисты дружно подпевали необычному, однако такому своему певцу.

Может, секрет Брюэля как раз в этом? Он действительно свой парень или умеет им выглядеть. Или, тоже вполне может быть, в наше сверхрациональное, бизнесом заполненное время люди просто хотят, чтобы с ними хотя бы изредка, но поговорили по-человечески, как говорит со своей публикой Брюэль.

Успех — сокрушительный, жертвой которого в некоторой степени стал сам его автор. Брюэлемания настолько сильна, что вынести ее бремя Патрику невозможно физически. Надо поддерживать образ своего парня и в жизни, одаривая болельщиков автографами, рукопожатиями, перебрасываясь с ними шутками, приветствиями — когда же расслабиться? А интерес к его холостяцкому существованию — непомерный. Лезут в загородный дом, осаждают квартиру в Париже. Брюэль скрывается от назойливого любопытства в море: любит плавать под парусом, но и там его доставали, догоняли на моторках. Нельзя выйти прообедать: пиццерию на Елисейских полях, в которой он собирался

откушать, брали штурмом. Слава задавила, и Патрик пожаловался, что вскоре научится жить и нормально дышать.

И после года сносшибательного триумфа Брюэль решил исчезнуть с певческого горизонта. Месяцев 11—13 на подмостках его не увидят. Предстоит сняться в трех фильмах. В первой картине Патрик, играющий сыщика из «Ингерпола», отказался от всяческого грима и даже тут предстанет перед публикой в своих брючках и неизменной фланельке.

Незадолго до смерти Ив Монтан, прослышавший про необычного Брюэля, специально прилетел из Парижа на его концерт в Антб. Опоздал и просидел на полу за кулисами. Послушал, расстрогался, обнял Патрика: «Вот бы послушала Симона!» (умершая жена Монтана, великая актриса Симона Сильоре. — Н. Д.). О разговоре узнали, и сегодня Брюэля прочат в наследники Ива Монтана. Считают, будто во Франции лишь двоим удалось совмещать профессии шансонье и киноактера — ушедшему Монтану и стремительно взлетевшему Брюэлю.

Н. ДОЛГОПОЛОВ.
(Наш соб. корр.)

Париж.